

Святитель
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ТОЛКОВАНИЕ
на
ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ
МАТФЕЯ

Святитель Иоанн Златоуст

**Толкование на Евангелие от
Матфея. В двух книгах. Книга I**

«Сибирская Благовонница»

Златоуст С.

Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга I /
С. Златоуст — «Сибирская Благовонница»,

Святитель Иоанн Златоуст – один из величайших отцов Вселенской Церкви. Он оставил нам огромное литературное наследие и литургическое. В своем изъяснении Священного Писания святитель показывал, как Библия может стать подлинной наставницей человека. Объясняя священные книги, он часто делал отступления на современные ему общественные и моральные темы, постоянно подчеркивая связь сказанного в Ветхом и Новом Заветах с духовной жизнью и поступками христианина. Именно это сделало его библейские толкования столь поучительными как для его современников, так и для всех последующих поколений. В первой книге собраны 44 беседы-толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

БЕСЕДА I	6
БЕСЕДА II	13
БЕСЕДА III	19
БЕСЕДА IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Святитель Иоанн Златоуст

Толкование на Евангелие от Матфея.

В двух книгах.. Книга первая

Имя архиепископа Константинопольского, занимавшего первенствующую кафедру Восточной Вселенской Церкви – Иоанна Златоуста (344/345–407), давно стало нарицательным. Его творения, беседы, поучения, письма читают с таким же неподдельным интересом, как и во время земной жизни святителя, а в выборе богословской тематики, деле проповедничества, методах истолкования Писания ему подражают на протяжении многих столетий. Богатство, сила, легкость языка в выражениях мыслей и чувств снискали известному оратору и талантливому мастеру слова признание, закрепленное в почетном прибавлении к имени – Златоуст.

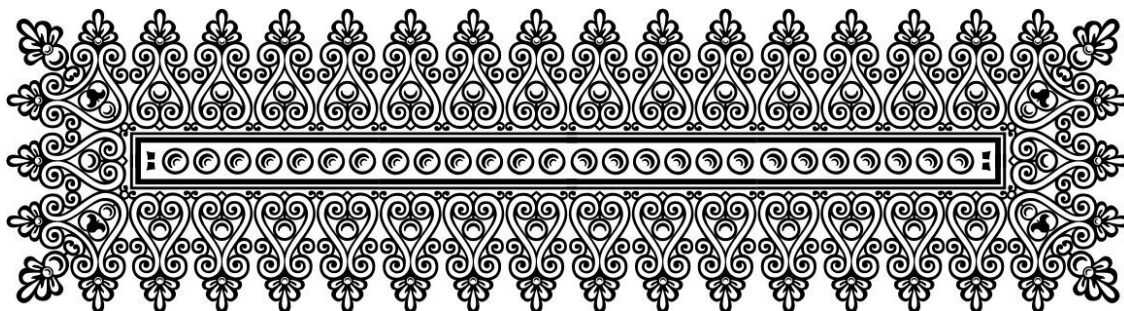
Наследие вселенского учителя, которое вошло в Священное Предание Православной Церкви, передающее богооткровенную истину, весьма обширно, но толкования на Новый Завет (представленные вниманию читателя) принадлежат к лучшим среди его творений, как отмечали уже в древности. Златоуст всегда благовествовал Евангелие как закон жизни, для него Благая весть о Христе, Распятом и Воскресшем не предмет любознательности, воспринимаемый памятью, а Слово Божие, живое, действенное, которое по апостолу Павлу проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (Евр. 4, 12). Беседы на Евангелия от Матфея и от Иоанна, вместе с другими толкованиями, составляют плод его двенадцатилетней проповеднической деятельности в Антиохии, когда дважды в неделю, а иногда и каждый день он обращался к народу, потрясая сердца слушателей. Большинство сочинений Златоуста – отредактированные записи стенографов, поэтому от его слов веет непередаваемой свежестью живой беседы пастыря со своей паствой.

Будучи представителем Антиохийской богословской школы он относился к Писанию как к истории, а не как к притче, уравнивая буквально-логический уровень смысла текста с нравственным и богословски-символическим. Подход Златоуста к Новому Завету предвосхищал критику Священного Писания в наше время как, например, в вопросе о четырех Евангелиях (в Беседе I Толкований на святого Матфея Евангелиста).

Ограничиваясь краткими справками о писателе священной книги, об обстоятельствах ее написания, святитель далее следил за общим ходом евангельских событий, за движением мысли Апостола, проникая в глубины Слова Божия. Святитель Иоанн всегда указывал на Священное Писание как основной и обязательный источник вероучения и нравственного назидания и всех призывал к прилежному слушанию и чтению Библии, говоря: «Это – пища души, это – ее ограждение; наоборот, не слушать Писания – для души голод и пагуба».

От редакции

БЕСЕДА I

Для чего дано Священное Писание. – Когда и как даны были Ветхий Закон и Новый Завет. – Почему Матфей назвал свой труд Евангелием. – Почему Евангелие было писано четверыми. – Незначительные разногласия в повествованиях евангелистов служат доказательством их истинности. – В главном и существенном Евангелия вполне согласны. – Различие целей написания четырех Евангелий. – Согласие евангелистов подтверждается сродством каждой части их писаний с целым, а равно и принятием их проповеди всею вселенной. – Истина евангельской проповеди доказывается превосходством ее над учением философов и ее удобоприемлемостью для людей всякого звания и возраста. – Ошибочное мнение о простоте и легкости изъяснения Евангелия Матфея. – Указание недоумений, представляющихся в самом начале Евангелия. – Увещание слушателям быть внимательными к изъяснению, с усердием посещать храм вместо зрелищ, изучать относящееся к жизни небесной и наблюдать в храме тишину и молчание.

По-настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом, и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не чрез письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письмена, скрижали и наставление чрез них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа. *Той*, сказал Он им, *воспомянет вам вся* (Ин. 14, 26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит чрез пророка: *завещаю вам завет нов, дая законы моя в мысли их, и на сердцах напишу я, и будут вси научени Богом* (см. Иер. 31, 31–34; Ин. 6, 45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) *не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотяных* (2 Кор. 3, 3). Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размысли же, какое будет безрассудство, если мы, которые должны бы жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг представлять сердца Духу, – если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, даже и этим вторым врачеством. Если достойно укоризны уже то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее

и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание? Чтобы этого не случилось, вникнем тщательнее в то, что написано, и рассмотрим, как дан был Ветхий Закон, и как – Новый Завет. Итак, каким образом, когда и где дан был древний закон? После гибели египтян, в пустыне, на горе Синае, в огне и дыме, выходявшем от горы, при звуке трубы, среди грома и молний, по вшествии Моисея в самый мрак. А в Новом Завете не так: не в пустыне, не на горе, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступлении дня, в доме, когда все сидели вместе, – все происходило при глубокой тишине. Для людей грубых и необузданных нужны были чувственные поразительные явления, как пустыня, гора, дым, трубный звук и тому подобное; для людей же более возвышенных, более покорных и ставших выше чувственных понятий, ни в чем таком не было нужды. Если же и над апостолами был шум, то не ради них, а ради присутствовавших иудеев, ради которых явились и огненные языки. В самом деле, если последние несмотря и на это говорили [про апостолов], что они *вином исполнены суть* (Деян. 2, 13), то тем более сказали бы так, если бы не видели ничего подобного. Далее, – в Ветхом Завете Бог сошел, когда Моисей взошел [на гору] (Исх. 19, 3); здесь же Дух сошел, когда наше естество вознеслось на Небо, а лучше сказать – на Царский Престол. Если бы Дух был меньше, то явления [сопровождаящие Его пришествие] не были бы более величественными и чудесными, а между тем новозаветные скрижали гораздо превосходят ветхозаветных, равно как и события славнее. В самом деле, апостолы не с горы сошли с каменными досками в руках, подобно Моисею, а неся в душе своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источник учений, даров духовных и всяких благ, став по благодати одушевленными книгами и законами. Так они привлекли [к вере] три тысячи, так – пять тысяч, так – все народы вселенной, потому что устами их говорил ко всем приходящим к ним Бог (см.: Деян. 2, 41; 4, 4). Так и Матфей, исполнившись Духа Божия, написал книгу, – Матфей мытарь; я не стыжусь называть по занятию ни его, ни других апостолов, потому что это больше всего и обнаруживает и благодать Духа, и их собственную добродетель.

2. Свое произведение Матфей справедливо назвал Евангелием. В самом деле, он всем – врагам, невеждам, сидящим во тьме, – возвещает конец наказания, разрешение грехов, оправдание, освящение, искупление, всыновление, наследие Небес и сродство с Сыном Божиим. Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на Небе; все в соединении: Ангелы составили один лик с людьми, люди соединились с Ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, диавол посрамлен, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, Ангелы непрестанно сходят на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вот почему Матфей и назвал свою историю Евангелием, как бы [давая разуметь, что] все другое, как например, богатое имущество, величие власти, начальство, слава, почести и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляет одни лишь пустые слова, а обетования, данные через рыбаков, должны называться в собственном и преимущественном смысле благовестием. И это не потому только, что они – блага прочные и постоянные и превосходят наше достоинство, но и потому, что они даны нам без всякого труда с нашей стороны. Не трудами и потком, не усилиями и страданиями получили мы то, что имеем, а единственно по любви к нам Бога. Но почему, спросим, при столь великом числе учеников, пишут только двое из апостолов и двое из их спутников, – так как кроме Иоанна и Матфея написали Евангелия один ученик Павла, а другой – ученик Петра. Потому, что они ничего не делали по честолюбию, но все для пользы. Что же? Разве один евангелист не мог написать всего? Конечно, мог; но когда писали четверо, писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сносаясь и не сговариваясь между собою, и, однако, написали так, как будто все произнесено одними устами, то это служит величайшим доказательством истины.

И однако, скажешь ты, случилось противное, так как они часто обличаются в разногласии. Но это-то самое и является вернейшим знаком истины. В самом деле, если бы они были до точности согласны во всем – и касательно времени, и касательно места, и самых слов, то из врагов никто бы не поверил, что они написали Евангелия не сошедшись между собой и не по обычному соглашению, и что такое согласие было следствием их искренности. Теперь же представляющееся в мелочах разногласие освобождает их от всякого подозрения и блистательно говорит в пользу писавших. Если они, относительно места и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредит истине их повествований, что мы и попытаемся, с Божиею помощью, доказать впоследствии. Теперь же просим вас заметить, что в главном, заключающем основание нашей жизни и составляющем сущность проповеди, они нигде один с другим ничуть не разногласят. В чем же именно? В том, что Бог стал человеком, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес, вознесся на Небо и придет судить; что Он дал спасительные заповеди, ввел закон, не противный ветхозаветному; что Он – Сын, Единородный, Истинный, Единосущный Отцу, и тому подобное. Во всем этом мы находим у евангелистов полное согласие. Если же относительно чудес не все всё сказали, а один описал одни, другой – другие, то тебя это не должно смущать. Если бы один евангелист сказал все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написал различное и новое сравнительно с другими, то не очевидно было бы доказательство их согласия. Вот почему они сказали о многом и сообща, и каждый из них выбрал нечто особое, чтобы не оказаться, с одной стороны, излишним и писавшим без цели, а с другой – чтобы представить нам верное доказательство истины своих слов.

3. Так Лука указывает и причину, по которой он приступает к писанию Евангелия. Чтобы ты имел, говорит, *о нихже научился еси словесех, утверждение* (Лк. 1, 4), то есть чтобы ты удостоверился в том, чему часто был поучаем, и пребывал в твердой уверенности. Иоанн сам умолчал о причине (написания им Евангелия), но, как говорит дошедшее до нас от отцов предание, и он приступил к писанию не без причины. Так как первые три евангелиста по преимуществу старались изложить историю земной жизни Христа, и учению о Божестве Его угрожала опасность остаться нераскрытым, то Иоанн, побуждаемый Христом, приступил, наконец, к написанию Евангелия. Это видно как из самой истории, так и из начала Евангелия. Он начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду, и для того составил всю книгу. Впрочем, не только в начале, а и во всем Евангелии он возвышеннее прочих. Равным образом и Матфей, как говорят, по просьбе уверовавших иудеев, пришедших к нему, написал им то, что говорил устно, и составил Евангелие на еврейском языке. То же самое сделал, по просьбе учеников, и Марк в Египте. Вот почему Матфей, как писавший для евреев, не старался показать ничего более, как происхождение Христа от Авраама и Давида; между тем как Лука, писавший для всех вообще, возводит родословие выше, доходя до Адама. Затем, первый начинает с рождения Иисуса Христа, поскольку для иудея не могло быть ничего приятнее, как сказать ему, что Христос есть потомок Авраама и Давида, а второй не так начинает, а упоминает предварительно о многих других событиях и затем уже приступает к родословию. Что касается согласия евангелистов, то мы можем доказать его и свидетельством всей вселенной, принявшей их писания, и свидетельством самих даже врагов истины. После евангелистов родилось много ересей, учивших противно их писаниям; одни из них приняли все сказанное в последних, а другие принимают только часть, отделив ее от прочего. Если бы в писаниях евангелистов было несогласие, то ни ереси, утверждающие противное им, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы им согласной, ни принявшие только часть не были бы изобличаемы этой частью, так как и самые малые части в писаниях евангелистов ясно обнаруживают свое сродство с целым. Подобно тому, как если ты возьмешь, например, часть ребра и в этой части найдешь все, из чего состоит целое животное – и нервы, и жилы, и кости, и артерии, и кровь – словом, все существенные части телесного состава, так точно и в Писании можно видеть то же самое: и здесь всякая часть написанного

ясно показывает сродство с целым. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое учение их давно бы рушилось, так как *всякое Царство, разделившееся на ся*, не устоит (см. Мф. 12, 25; Мк. 3, 24). Теперь же, если и есть у них какие разногласия, этим только ясно обнаруживается сила Духа (Святого), убеждающая людей, чтобы они, держась необходимого и главного, нисколько не смутились ничтожными несогласиями.

4. Где писал каждый из евангелистов, – этим вопросом заниматься нам нет особенной нужды; но что они не противоречили друг другу, это мы постараемся доказать во всем нашем толковании. Если ты обвиняешь их за разногласие, то делаешь не что иное, как заставляешь их говорить одними и теми же словами и употреблять один и тот же способ выражения. Я не говорю уже о том, что и многие из величающихся знанием риторики и философии, написав много книг об одних и тех же предметах, не только разногласили, но и противоречили друг другу, – иное ведь дело – разногласить, другое дело – противоречить. Об этом я уже не говорю: я не имею нужды пользоваться их неразумием для защиты (евангелистов) и не хочу подтвердить истины ложью. Но вот о чем охотно спросил бы я: как заслужили веру разногласящие писания? Как они одержали победу? Как могли заслужить удивление, веру и славу по всей вселенной люди, противоречившие один другому? Свидетелями их проповеди были многие; многие притом были врагами и противниками. Написав Евангелия, они не скрыли их в одном уголке вселенной, а распространяли их всюду, на суше и море, в слух всех; как и теперь, они читаемы были и в присутствии врагов, и ничто из сказанного в них никого не соблазняло. И вполне естественно, потому что все во всех производила и совершала Божественная сила. Иначе каким образом мытарь, рыбарь, неученый могли бы так мудрствовать? Чего некогда языческие мудрецы не могли и во сне представить, о том они проповедуют с великой уверенностью и убедительностью, – и не только при жизни, но и по смерти, – не двум, не двадцати человекам, не сотням, не тысячам и десяткам тысяч, а (целым) городам, племенам и народам, суше и морю, Греции и странам варварским, земле обитаемой и пустыне, возвещая учение, много превышающее наше естество. Оставив земное, они говорят только о небесном, предлагают нам другую жизнь и новый образ жизни, иное богатство и иную бедность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной мир, иной устав жизни, – все иное. (Они преподают правила жизни) не так, как Платон, составивший пресловутую «Политию», или Зенон и другие, писавшие об общественном устройстве, и составители законов. Все они самыми произведениями своими доказали, что их душе внушал злой дух, лютый демон, воюющий против нашего естества, враг чистоты, противник благонравия и низвратитель всякого порядка. В самом деле, что еще можно сказать про них, когда они предписывали всем иметь общими жен, выводить на показ мужчинам обнаженных девиц во время ристалищ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякий порядок и извратили уставы самой природы? Что все это – изобретения демонов и противно природе, об этом может свидетельствовать нам сама природа, которая не терпит ничего такого. И они писали об этом не среди гонений, не среди опасностей, не среди браней, а с полной безопасностью и свободой, часто пользуясь кроме того еще многими прикрасами. А между тем проповедь рыбарей, гонимых, бичуемых, проводивших жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что учение этих рыбарей было для всех удобоприемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нет, оно даже гораздо возвышеннее учения философов. О девстве, например, даже об имени таком те не могли и во сне подумать, равно как ни о нестяжательности, ни о посте, ни о какой другой высшей добродетели. Между тем наши учителя не только похоть искореняют, не только действие (преступное) подвергают наказанию, но осуждают и бесстыдный взгляд, и оскорбительные слова, и непристойный смех, и одежду, и поступь, и крик, простирают строгость даже до самого малейшего. По всей вселенной они насадили семена девства. О Боге и вещах небесных они внушают такие понятия, какие никому

из философов никогда не могли и на ум прийти. Да и как могли иметь такие понятия люди, боготворившие изображения зверей, пресмыкающихся животных и других презренных тварей? И однако такое высокое учение (апостолов) было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то прежде, чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственной смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях *закон и пророцы висят* (Мф. 22, 40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: *елика аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им; се бо есть закон и пророцы* (Мф. 7, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все, действительно, узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики Ангелов в человеческой плоти и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбаки, повелевая приниматься (за обучение ему) не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов – детская забава, а учение апостолов – сама истина. Местом для этой жизни они назначили Небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее¹, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с Ангелами, предстояние Царскому Престолу и постоянное пребывание со Христом.

б. Руководителями в этой жизни являются мытари, рыбаки и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живут, почему и по смерти своей могут оказывать величайшую помощь своим последователям. Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не Ангел, а Сам Бог. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия. Об этой самой жизни написано и в Евангелии Матфея, о котором нам предстоит теперь говорить. Итак, будем с тщанием внимать ясным речам о ней евангелиста. Все, что он говорит, не его слова, а Самого Христа, узаконившего эту жизнь. Будем же внимательны, чтобы и нам удостоиться быть вписанными в эту жизнь и сиять вместе с теми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые венцы. Для многих, заметим, эта книга кажется легкопонятною сравнительно с пророками, которые представляют трудности для понимания. Но это говорят люди, которые не знают глубины сокрытых здесь мыслей. Поэтому прошу вас следовать за мною со всею ревностью, чтобы войти нам в самую глубь Писания; водителем же в этом пути будет нам Сам Христос. А чтобы слово наше было удобопонятнее, просим и убеждаем вас (как делали мы это при изъяснении

¹ *Пританей*(– здание, где давались торжественные обеды в честь заслуженных граждан.

и других писаний) наперед перечитывать тот отдел книги, который мы будем изъяснять; пусть уразумению предшествует чтение, как то было с евнухом (см.: Деян. 8, 28 и далее); это доставит нам большое облегчение. В самом деле, вопросы здесь во множестве возникают на каждом шагу. Вот смотри, сколько, например, недоумений рождается тотчас же в самом начале Евангелия. Во-первых, для чего излагается родословие Иосифа, который не был отцом Христа? Во-вторых, откуда нам может быть видно, что Христос происходит от Давида, когда мы не знаем предков Марии, от Которой Он родился, – ведь родословной Девы не показано? В-третьих, почему дается родословие Иосифа, который нисколько не причастен был рождению, а от каких родителей, дедов и прадедов Дева, Которая была Материю Христа, не сказано? Кроме того, заслуживает исследования и то, почему евангелист, ведя родословие по мужской линии, упомянул и о некоторых женах. Затем, если ему так рассудилось, то почему он не перечислил всех жен, а, умолчав о достославных, как например, Сарре, Ревекке и подобных им, выставил только известных по своим порокам, например, блудницу, или прелюбодейцу, иноплеменницу, или чужестранку? Так именно он упомянул о жене Уриевой, о Фамари, о Раави и Руфи, из которых последняя была иноплеменница, другая блудница, третья имела связь со свекром, и притом не по закону брака, а похитив ложе под видом блудницы; что же касается жены Урия, то о ней всякий знает по выходящему из ряда вон ее поступку. И однако, евангелист, опустив всех других, поместил в родословии только одних этих жен. Если уж нужно было упоминать о женах, то следовало упомянуть о всех; если же не о всех, а только некоторых, то о прославившихся своими добродетелями, а не пороками. Видите, сколько нам нужно внимания уже при самом начале Евангелия, хотя для иных это начало кажется яснее прочего, а для многих даже излишним, потому что представляет простое только перечисление имен. Далее, заслуживает исследования и то, почему Матфей умолчал о трех царях. Если он умолчал о них, как о слишком нечестивых, то ему не нужно было бы упоминать и о других подобных. Вот и еще представляется вопрос: почему евангелист, разделив родословие на части по четырнадцати родов в каждой, в третьей части не соблюл этого числа? Затем: почему Лука упомянул о других именах, и не только не о всех тех, какие есть у Матфея, но и указал их гораздо больше, а Матфей привел и меньше и другие имена, хотя и он кончил на Иосифе, на котором прекратил родословие и Лука. Смотрите же, сколько нам нужно бдительности не только для того, чтобы разрешить недоумения, но и для того, чтобы узнать, что требует решения. Не маловажное ведь дело и суметь найти недоуменные вопросы. Вот и еще, например, недоуменный вопрос: каким образом Елисавета, происходя из колена Левиина, могла быть родственницею Марии?

7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множеством вопросов, остановимся здесь. Для возбуждения вашего внимания достаточно и того, если вы узнаете только, какие представляются здесь вопросы. Если же вы желаете узнать и решение, то и это будет зависеть, прежде нашего наставления, от вас самих. Если я увижу у вас внимание и охоту научиться, то буду стараться предложить и решение, а если замечу леность и невнимательность, то не покажу ни самых вопросов, ни решения их, следуя Божественной Заповеди, гласящей: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут ногами своими* (Мф. 7, 6). Кто же этот попирающий? Тот, кто не почитает Писания драгоценным и важным. Но кто же, скажешь, столь несчастен, чтобы не считать его важным и всего драгоценнее? Тот, кто не уделяет ему и столько времени, сколько тратит для распутных женщин на сатанинских зрелищах. Многие проводят там целые дни, совсем запускают ради бесполезного такого времяпровождения домашние дела, и что услышат там, стараются с точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здесь, где говорит Сам Бог, не хотят побыть и малого времени. Вот почему у нас нет ничего общего и с Небом, и наша (небесная) жизнь только на словах. Однако ж за это Бог угрожает нам и геенною, – не с тем, чтобы ввергнуть нас в нее, а чтобы дать нам возможность избежать этого тяжкого наказания. А мы делаем напротив, и каждый день стремимся на путь, ведущий к геенне: Бог повелевает не только слушать, но и исполнять то, что нам говорится, а

мы не хотим и выслушать. Когда же, скажи мне, начнем мы исполнять то, что Кнам повелевается, когда примемся за дела, если мы не хотим даже и слушать о них, если негодуем и досадуем даже на самое краткое пребывание в храме? Когда мы, разговаривая о предметах ничего не стоящих, замечаем в собеседниках невнимание, то считаем это себе за обиду. А о том не думаем, что оскорбляем Бога, когда Он говорит нам о столь важных предметах, а мы пренебрегаем Его словами и смотрим в сторону? Какой-нибудь старец, исходивший много земель, со всею точностью сообщает нам и о расстояниях, и о положении городов, об их видах, пристанях, площадях (и мы с удовольствием слушаем его), а сами, между тем, не знаем и того, сколь далеко отстоим от Небесного Града. В противном случае, если бы мы знали это расстояние, мы постарались бы сократить путь. Если ведь мы нерадим, то расстояние этого града от нас не только такое, какое находится между Небом и землей, а даже гораздо больше; напротив, если прилагаем старание, то можем дойти до врат его в одно мгновение, потому что это расстояние определяется не протяжением пространства, а состоянием нашей нравственности.

8. Ты отлично знаешь дела здешней жизни – и новые, и старые и древние, можешь перечислить начальников, у которых ты служил раньше в войсках, и распорядителей игр, и победителей на них, и вождей, от чего тебе нет никакой пользы. А кто начальник в Небесном граде, кто первый, кто второй, кто третий, сколько времени каждый служил и что сделал славного, об этом тебе никогда и во сне не грезилось. О законах, которыми управляется этот город, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорят о них и другие. Как же, скажи мне, ты надеешься получить обещанные блага, если не хочешь и внимать, когда говорят о них? Но если мы не заботились об этом раньше, то постараемся, по крайней мере, сделать это теперь. Вот мы намереваемся вступить, если благоволит Бог, в золотой град, и даже драгоценнейший всякого золота. Рассмотрим же его основания и врата, сделанные из сапфира и маргаритов. Лучший руководитель наш – Матфей. Его дверь входим мы ныне; только нужно большое старание с нашей стороны, потому что, в ком он не видит усердия, того он изгоняет из града. Это – град Царственный и славный; в нем нет разделения торжища от царских дворцов, как в наших городах; в нем – все Царский Чертог. Итак, отверзем двери ума, отверзем слух наш и, с великим трепетом приступая к преддверию этого чертога, поклонимся живущему в нем Царю, потому что и первый шаг может поразить зрителя страхом. Врата теперь еще заключены для нас; когда же увидим их отверстыми (то есть когда решатся недоуменные вопросы), тогда узрим внутри его великий свет. Просвещаемый духом, этот мытарь обещает показать тебе все: и где восседает Царь, и какие предстоят Ему воины, где Ангелы и где Архангелы; какое место назначено в этом граде для новых граждан, какой туда ведет путь; какой жребий получили вступившие в него первыми, какой – вторые, какой – вошедшие впоследствии; сколько чинов среди тамошних граждан, сколько советов и как различны достоинства. Итак, войдем в этот град не с шумом и смятением, а с благоговейным молчанием. Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде должны все утихнуть и стоять с напряженной душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки Ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому Престолу и получим все блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля

(Мф. 1, 1)

Изъяснение 1, 1. Повторение увещания, данного в конце предыдущей беседы. – Описание Небесного Града. – Неизъяснимость рождения Сына Божия, как небесного, так и земного. – Величие воплощения. – Сын Божий воплотился, чтобы человека сделать Сыном Божиим. – Христос соединил Ветхий Завет с Новым. – Значение имени «Иисус»; его ветхозаветный прообраз. – Почему Матфей назвал свое Евангелие «книгою родства Иисуса Христа». – Почему он ставит Давида раньше Авраама. – Доказательства происхождения Иосифа и Девы от Давида. – Почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Увещание заниматься духовным учением. – Чтение Священного Писания необходимо, особенно для живущих в миру, как врачевство против пустословия и сквернословия. – Действие Слова Божия на человека. – И одно только слушание Писания полезно.

1. Помните ли вы наставление, которое недавно мы сделали вам, прося слушать все, что будет говориться, с глубоким молчанием и с благоговейною тишиною? Сегодня мы должны вступить в священные преддверия; потому я и напоминаю об этом наставлении. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горящей горе, к огню, тьме, мраку и буре, а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, – то тем более должны показать высшее любомудрие мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое Небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а Самого Царя, сидящего на Престоле неизреченной Своей Славы, предстоящих Ему Ангелов и Архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств Небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе Церковь первородных, духи праведных, торжествующее собрание Ангелов, кровь кропления, чрез которую все соединено, Небо воприняло земное, земля – небесное, настал мир давно вожделенный для Ангелов и святых. В этом граде водружено блистательное и славное знамя Креста: там добыча Христа, начатки нашего естества, стяжания Царя нашего. Обо всем этом мы с точностью узнаем из Евангелий. И если ты будешь следовать за нами с подобающим спокойствием, мы сможем провести тебя повсюду и показать, где лежит пригвожденная (ко Кресту) смерть, где повешен грех, где многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь там и связанного мучителя, сопровождаемого толпою пленников, и ту твердыню, откуда этот гнусный демон в прежнее время производил всюду свои набеги; увидишь убежища и пещеры разбойника, уже разоренные и открытые, потому что и туда приходил Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебе кто-нибудь рассказывает об обычной войне, о трофеях и победах, и ни пище, ни питью не предпочтешь такого рассказа. Если тебе так приятен такой рассказ, то гораздо более – мой. Представь, в самом деле, каково слышать, как Бог, встав с Небес и Царских Престолов, нисходил на землю и в самый ад, как Он ополчился на брань, как диавол боролся с Богом, – не с неприкровенным, впрочем, Богом, а с Богом, скрывавшимся под покровом человеческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, как смерть разрушена смертью, как клятва упразднена клятвою, как мучительство диавола ниспровержено

тем самым, через что он приобрел силу. Итак, воспрянем и не будем предаваться дремоте! Я вижу уже, как пред нами отверзаются врата. Войдем же с полным благочинием и трепетом. Сейчас мы вступаем в самые преддверия. Что же это за преддверие? *Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраам-ля* (Мф. 1, 1). Что говоришь ты? Обещался сказать о Единородном Сыне Божиим, а упоминаешь о Давиде, о человеке, который существовал спустя тысячи родов, и его называешь отцом и прародителем? погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-помалу. Ты ведь стоишь еще в преддверии, у самого порога: зачем же спешить во святилище? Ты еще не осмотрел хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебе о первом – небесном рождении, а лучше сказать, не говорю даже и о втором – земном, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Об этом раньше меня еще сказал тебе и пророк Исаия, когда именно, возвещая страдания Господа и великое Его попечение о вселенной, поражаемый зрением того, кто Он был и чем стал, и куда нисшел, он громко и ясно воскликнул: *род Его кто исповесть?* (Ис. 53, 8).

2. Итак, у нас теперь речь не о том, небесном рождении, а об этом дольном, земном рождении, имевшем тысячи свидетелей. Да и о нем мы будем говорить настолько, насколько то нам возможно по мере полученной благодати Духа. Со всею ясностью нельзя представить и этого рождения, так как и оно полно таинственности. Итак, слыша об этом рождении, не подумай, что слышишь о чем-то маловажном; но воспряни умом своим и ужаснись, как скоро слышишь, что Бог пришел на землю. Оно было так дивно и чудно, что и Ангелы, составив хвалебный лик, воздали за него славу за целый мир, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Бог *на земли явился и с человеки поживе* (Вар. 3, 38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Бог, равный Отцу, пришел чрез девическую утробу, благоволил родиться от жены и иметь предками Давида и Авраама. И что говорю – Давида и Авраама? Что еще изумительнее, – тех жен, о которых я упомянул раньше. Слыша это, воспряни и не заподозри ничего унижительного; напротив, тому-то особенно и подивись, что Сын безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Видишь, какое благовестие в самом же начале? Если же сомневаешься в своем богосыновстве, то уверься в нем, слыша, что было с Ним. По человеческому рассуждению гораздо ведь труднее Богу стать человеком, нежели человеку сделаться сыном Божиим. Итак, когда слышишь, что Сын Божий есть сын Давидов и Авраамов, то не сомневайся уже, что и ты, сын Адамов, будешь сыном Божиим. Не уничижил бы Он Себя напрасно и без цели до такой степени, если бы не хотел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном жены. Вот почему Его рождение и было двойное, – с одной стороны подобное нашему, с другой – превышающее наше. Тем, что родился от жены, Он уподобился нам; тем же, что родился не от крови, не от хотения мужа или плоти, но от Духа Святого, Он предвозвещает превышающее нас будущее рождение, которое Он имел даровать нам от Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, например, крещение. И в нем было и нечто ветхое, было и нечто новое: крещение от пророка показывало ветхое, а снисхождение Духа знаменовало новое. Подобно тому как кто-нибудь, став между двоими, стоящими порознь, протянет обоим свои руки и соединит их, так точно сделал и Сын Божий, соединив Ветхий Завет с Новым, Божеское естество с человеческим, Свое с нашим. Видишь блистание града Божия? Видишь, каким блеском осиял тебя при самом входе? Видишь, как тотчас же показал тебе Царя в твоём образе, как бы посреди стана? И здесь, на земле, царь не всегда является в своей величии, а часто, сложив порфиру и диадему, облачается в одежду простого воина. Но царь земной делает это для того, чтобы, став известным, не привлечь к себе неприятеля; Царь Небесный, наоборот, для того, чтобы, став известным, не заставить врага бежать от ратоборства с Ним и не привести в смятение Своих, так как Он желал спасти, а не устрашить. Вот почему евангелист тотчас же назвал Его и соответствующим именем «Иисус». Это имя

«Иисус» не греческое; Иисусом Он называется по-еврейски, что на греческом языке означает Спаситель; Спасителем же Он называется потому, что спас народ Свой.

3. Видишь ли, как евангелист воскресил слушателя, как он, говоря обычными словами, открыл в них всем нам то, что выше всякого чаяния? Оба данных имени были хорошо известны у иудеев. Так как события, коим надлежало совершиться, были дивны, то и самым именам предшествовали образы, чтобы таким способом заранее был устранен всякий повод к ропоту на нововведение. Так преемник Моисея, введший народ в землю обетованную, называется Иисусом. Видишь образ? Рассмотрим и истину. Тот ввел в землю обетованную, этот – на Небо и ко благам небесным; тот, по смерти Моисея, этот по прекращении закона; тот – как вождь, этот – как Царь. Но чтобы ты, слыша «Иисус», не приведен был сходством имен в заблуждение, евангелист присовокупил: *Иисуса Христа, сына Давидова*. Тот Иисус не был сыном Давидовым, а происходил из другого колена. Но почему Матфей называет свое Евангелие «книгою родства Иисуса Христа», тогда как оно содержит не только одно родословие, но и все Домостроительство? Потому, что рождение Христа составляет главное во всем Домостроительстве, является началом и корнем всех дарованных нам благ. Подобно тому как Моисей называет свой первый труд Книгою Бытия неба и земли, хотя повествует в ней не только о небе и земле, но и о том, что находится между ними, так и евангелист назвал свою книгу по главному из дел, совершенных (для нашего спасения). Всего изумительнее, выше всякой надежды и чаяния, действительно, есть то, что Бог стал человеком; а когда это совершилось, то все последующее и понятно, и естественно.

Но почему евангелист не сказал сначала: *сына Авраамля*, и затем уже: *сына Давидова*? Не потому, как думают некоторые, что хотел представить родословие по восходящей линии, – потому что тогда он сделал бы так же, как и Лука, а он делает наоборот. Итак, почему же он упомянул сначала о Давиде? Потому, что это был человек у всех на устах, как в силу знаменитости его деяний, так и по времени, потому что умер много позже Авраама. Хотя обетования Бог дал им обоим, но об обетовании, данном Аврааму, как древнем, мало говорили, а обетование, данное Давиду, как недавнее и новое, повторялось всеми. Иудеи сами говорят: не *от семени ли Давидова и от Вифлеемския веси, идеже бе Давид, Христос придет?* (Ин. 7, 42). И никто не называл Его сыном Авраамовым, а все звали сыном Давидовым, потому что и по времени жизни, как я уже сказал, и по знатности Царствования Давид у всех был больше в памяти. Вот почему и всех царей, живших после Давида, которых особенно уважали, называли его же именем не только иудеи, но и Сам Бог. Так Иезекииль и другие пророки говорят, что к ним придет и воскреснет Давид; разумеют же не умершего Давида, а подражающих его добродетели. Так Езекии говорит Бог: *защиту град сей Мене ради и Давида ради раба Моего* (см.: 4 Цар. 19, 34); и Соломону говорил, что ради Давида не разделит Царство при жизни его (см.: 3 Цар. 11, 34). Слава этого мужа велика была и пред Богом и пред людьми. Вот почему евангелист непосредственно и начинает родословие со знатнейшего, а потом уже обращается к прародителю древнейшему – Аврааму, возводить же родословие далее находит для иудеев излишним. Эти два мужа возбуждали особенное удивление; один как пророк и царь, другой как патриарх и пророк. Но откуда видно, спросишь ты, что Христос происходит от Давида? Если Он родился не от мужа, а от одной только жены, а родословия Девы у евангелиста нет, то почему мы можем знать, что Христос был потомком Давида? Здесь два вопроса: почему не дается родословия Матери, и почему именно упоминается об Иосифе, который нисколько не был причастен к рождению? По-видимому, последнее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно решить сначала? Вопрос о происхождении Девы от Давида. Итак, откуда мы можем знать, что она происходит от Давида? Слушай: Бог повелевает Гавриилу идти *к Деве, обрученной мужеву, емуже имя Иосиф, от дому и отечества Давидова* (Лк. 1, 27). Чего же яснее этого хочешь ты, когда слышишь, что Дева была из дома и отечества Давидова?

4. Отсюда ясно, что и Иосиф происходил из того же рода, потому что был закон, повелевавший брать жену не иначе, как из своего колена. А патриарх Иаков предсказал, что Христос восстанет от колена Иудова, говоря так: *не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже придут отложенная Ему: и Той чаяние языков* (Быт. 49, 10). Пророчество это, скажешь ты, действительно показывает, что Христос был от колена Иудова; но что Он происходил и из рода Давидова, этого еще не показывает. Разве в колене Иудовом не было ни одного рода кроме Давидова? Нет, было много и других родов, и можно было принадлежать к колену Иудову, но не происходить еще из рода Давидова. Чтобы ты не сказал этого, евангелист разрешает твое сомнение, говоря, что Христос был из дома и отчества Давидова. Если хочешь убедиться в этом иным образом, то мы не затруднимся представить и другое доказательство. У иудеев не позволялось брать жену не только из другого колена, но и из другого рода или племени. Поэтому, приложим ли мы слова: *от дому и отчества Давидова* к Деве, сказанное остается несомненным; приложим ли к Иосифу, сказанное о нем будет относиться и к Деве. Если Иосиф был из дома и отчества Давидова, то взял жену не из иного рода, а из того же, из которого происходил и сам. Но что, скажешь ты, если он нарушил закон? Евангелист предупредил и это возражение, засвидетельствовав, что Иосиф был праведен, так что, зная его добродетель, ты можешь быть уверен и в том, что он не нарушил бы закона. Будучи столь кротким и чуждым страсти, что даже побуждаемый подозрением не захотел подвергать наказанию Деву, ужели бы он нарушил закон ради плотского удовольствия? Мудрствуя выше закона (так как отпустить, и отпустить тайно, свойственно было человеку, который мудрствовал выше закона), ужели бы он сделал что-нибудь вопреки закону, и притом без всякой побудительной причины? Итак, из сказанного ясно, что Дева происходила из рода Давидова. Теперь следует сказать, почему евангелист дал не Ее родословие, а Иосифа. Итак, почему же? У иудеев не было обычая вести родословие по женской линии; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самом же начале его нарушителем, а с другой стороны – показать нам и происхождение Девы, евангелист, умолчав о Ее предках, и представил родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, это почли бы новшеством; если бы умолчал об Иосифе, мы не знали бы предков Девы. Итак, чтобы мы знали, кто была Мария, откуда происходила, и вместе не был нарушен обычай, евангелист представил родословие Ее обручника и показал, что он происходит из Дома Давидова. А раз это доказано, тем самым доказано и то, что и Дева была из того же рода, потому что этот праведник, как я сказал выше, не допустил бы себе взять жену из чужого рода. Можно, впрочем, указать и другую причину, более таинственную, по которой умолчано о предках Девы; но теперь не время открывать ее, потому что и так уже много сказано. Итак, окончив здесь разбор вопросов, постараемся пока с точностью запомнить то, что объяснилось для нас, а именно: почему сперва упомянуто о Давиде, почему евангелист назвал свою книгу книгою родства, почему прибавил: *«Иисуса Христа»*, в чем рождение Христа было сходно с нашим и в чем не сходно, чем доказывается происхождение Марии от Давида, почему представлено родословие Иосифа и умолчано о предках Девы. Если вы сохраните все это, то возбудите и в нас большее усердие к дальнейшим изъяснениям; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у нас будет меньше охоты изъяснять прочее. Ведь и земледелец не захочет заботиться о семенах, если земля погубит у него посеянное прежде. Итак, прошу вас заняться сказанным. От таких занятий происходит великое и спасительное благо для души. Имея заботу о таких занятиях, мы можем угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняем их беседами духовными, будут чисты от укоризн, срамословия и ругательств. Мы будем страшны и для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами; в большей мере привлечем на себя и благодать Божию; проницательнее сделается и взор наш. Бог дал нам и очи, и уста, и слух, для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему делали, чтобы воспевали Ему непрестанные песни хвалы, чтобы воссылали благодарения и таким образом очи-

щали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, становится здоровее, так и душа, питаясь такими занятиями, делается мудрее.

5. Не замечал ли ты, что и из телесных очей, если они постоянно бывают в дыму, всегда текут слезы, а на свежем воздухе, на лугу, при источниках и в садах они становятся и здоровее и острее. То же бывает и с оком душевным. Если оно питается на лугу духовных учений, то бывает чистым, ясным и пронизательным, а если погружается в дым житейских попечений, то непрестанно будет точить и проливать слезы и в этой, и в будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дела человеческие. Потому-то некто и сказал: *изчезоша яко дым дни мои* (Пс. 101, 4). Но пророк хотел этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянстве жизни человеческой, а я сказал бы, что их должно разуметь не в этом только смысле, но и как указание на мятежность жизни. Действительно, ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий; это – дрова упомянутого дыма. Подобно тому как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душой, производит большой дым. Вот почему и необходима роса Духа и легкое Его веяние, чтобы угасить этот огонь, развеять этот дым и окрылить наш разум. Невозможно, невозможно никак, обремененному таким злом воспарить к Небу. Нет; нам надобно быть хорошо препоясанными, чтобы совершить этот путь, а вернее сказать – и при этом невозможно, если не возьмем крыльев Духа. Итак, если нам нужен и легкий ум, и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у нас ничего этого нет, если, напротив, мы влачим с собою только противное и сатанинскую тяжесть, то как мы можем воспарить, когда такая тяжесть влечет нас долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить наши слова, то в тысяче талантов житейских разговоров он едва ли найдет и сто динариев духовных слов, а вернее сказать – не найдет и десяти олов. Не стыдно ли, не смешно ли до последней степени, что мы, имея слугу, употребляем его обычно на дела нужные, а владея языком, с собственным нашим членом не обходимся даже так, как с слугою, а употребляем его, напротив, на дела бесполезные и напрасные? Да если бы только на напрасные! А мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого нам нет никакой пользы. Если бы для нас было полезно то, что мы говорим, то наши речи были бы, конечно, угодны и Богу.

А между тем мы только и говорим, что внушит диавол: то насмехаемся, то острословим; то проклинаем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы; то с досады не хотим вымолвить и слова, то пустословим и болтаем хуже старух, говоря о том, что до нас вовсе не касается. Кто из вас, здесь присутствующих, скажите мне, если спросить, может прочитать хотя один псалом или какое-нибудь другое место из Священного Писания? Ни один! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи так ленивы на дела духовные, на дела сатанинские оказываетесь быстрее огня. Если кто вздумает спросить вас о песнях диавольских, о напевах распутных и сладострастных, то найдет, что многие знают их прекрасно и пропоют с полным удовольствием. И чем оправдываются, если станешь в том обвинять? Я, говорят, не монах, а имею жену и детей, хлопочу о доме. От этого-то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение Божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их. Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно врачество. Поэтому считать излишним чтение Писания гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль – сатанинское внушение.

6. Не слышите ли, как говорит Павел, что все это написано *в научение наше* (1 Кор. 10, 11). А ты, который не осмеливаешься взяться за Евангелие неумытыми руками, ужели не думаешь, что заключающееся в нем чрезвычайно важно? Вот почему все и идет навыворот. Если тебе хочется узнать, как велика польза от Писания, понаблюдай за собой, что с тобою бывает, когда ты слушаешь псалмы, и что – когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении ты проводишь время в церкви и в каком сидишь в театре. Тогда ты увидишь разницу

между тем и другим состоянием души, хотя душа одна и та же. Вот почему Павел и сказал: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 53). Вот почему нам и нужны постоянно духовные песнопения. В этом-то и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем. Это – пища души, это – ее украшение, это – ее ограждение; наоборот, не слушать Писания – для души голод и пагуба. Дам им, говорит Господь, *не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Ам. 8, 11). Может ли быть что бедственнее, когда ты сам на собственную свою голову навлекаешь то зло, которым Бог угрожает как наказанием, томишь душу ужасным голодом и делаешь ее слабейшею всего на свете? Обыкновенно слово и портит душу, и исцеляет ее; слово и возбуждает в ней гнев, и оно же опять укрощает ее; срамное слово разжигает похоть, слово пристойное располагает к целомудрию. Если же слово вообще имеет такую силу, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь Писание? Если простое увещание так сильно действует, то гораздо более увещания, сопровождаемые действием Духа. Слово, произнесенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способною на все прекрасное. Таким средством и Павел, когда узнал о коринфянах, что они стали гордыми и надменными, смирил их и сделал их более скромными. Они превозносились тем, что должны были считать стыдом и позором. Но слушай, какая в них произошла перемена, когда они получили послание. О ней засвидетельствовал сам учитель, когда говорил им: *сие бо самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание, но ответ, но негодование, но страх, но возжелание, но ревность, но отмищение* (2 Кор. 7, 11). Этим средством мы можем управлять и слугами, и детьми, и женами, и друзьями; можем и врагов делать друзьями. Этим путем и великие мужи, други Божии, достигали совершенства. Так Давид по совершении греха, как скоро внял слову, тотчас явил в себе прекраснейший образец покаяния (см.: 2 Цар. 12, 13) и апостолы при помощи слова стали тем, чем были впоследствии, и посредством слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь, за польза, когда иной слушает, а не исполняет того, о чем говорят ему? Не малая польза будет и от одного слушания. По крайней мере, человек узнает себя, поскорбит, а когда-нибудь дойдет и до того, что будет исполнять слышанное. А кто не знает даже, что грешит, перестанет ли когда грешить? Может ли прийти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать слушанием Священного Писания. Это – умысел диавола – не дозволить нам видеть сокровища, чтобы мы не обогатились. Он боится, чтобы слушание у нас не перешло в дело; потому и внушает нам, что одно слушание не имеет никакого значения. Итак, зная этот лукавый его умысел, оградимся со всех сторон, чтобы, защитившись оружием Слова Божия, не только самим не попасться в плен, но и ему сокрушить голову, и, увенчавшись таким образом победными знаками, достигнуть будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля

(Мф. 1, 1)

Другая причина, почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Почему евангелист не упоминает об Исаве. – Упоминание о порочных предках служит к большему прославлению Воплотившегося, научает нас не стыдиться злонравия предков, если мы добродетельны, низлагает гордость иудеев, величавшихся происхождением от Авраама, и показывает необходимость пришествия Христова. – Фарес и Зара служат образом народа еврейского и Церкви Христовой. – Образом последней служат также Раав и Руфь. – Не должно хвалиться не только предками, но и собственными заслугами. – Добродетель каждого человека ничтожна сравнительно с его грехами. – Забвение добрых дел есть самое безопасное их хранилище. – Исповедание грехов – лучший способ умилоствления и благодарения Бога. – Смирение есть начало всякого любомудрия и мать всех благ. – Образцом смиренномудрия может служить Давид.

1. Вот уже третья беседа, а мы еще не кончили предисловия. Итак, не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что остается. О чем же теперь у нас вопрос? О том, для чего евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был причастен к рождению Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнее и сокровеннее первой. Какая же это причина? Евангелист не хотел, чтобы при самом рождении известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Но не смущайтесь, если сказанное мною для вас странно; я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Если Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя Сыном Человеческим; если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство со Отцем, – то чему дивиться, если Он скрывал до времени и о Своем рождении от Девы, устроая нечто чудное и великое? Что же здесь чудного, скажешь ты? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Иначе, если бы об этом с самого начала сделалось известным иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побии бы Деву камнями и осудили как блудницу. Если уже и в таких случаях, коих примеры часто встречались им еще в Ветхом Завете, они обнаруживали свое бесстыдство (например, называли Христа беснующимся, когда Он изгонял бесов, почитали Его противником Богу, когда исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема), – то чего бы не сказали они, услышав об этом? Им благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных Его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили, еще прежде чудес, что Он родился от Девы? Вот почему и пишется родословие Иосифа, и обручается ему Дева. Когда даже Иосиф, муж праведный и дивный, чтобы поверить такому событию, имел нужду во многих доказательствах, – в явлении Ангела, сонном видении, свидетельстве пророков, – то как же бы приняли такую мысль иудеи, народ грубый и развращенный, и так враждебно расположенный ко Христу? Без сомнения, их крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событие, когда они и слухом не слыхали, чтобы нечто подобное случилось у предков. Кто однажды уверовал, что Иисус есть Сын Божий, тот не стал бы уже и в этом сомневаться. Но кто почитает Его льстецом и противником Богу, как не соблазнился бы этим еще более и не возымел бы указанного подо-

зрения? Вот почему и апостолы не с самого начала говорят о рождении от Девы. Напротив, они часто и много говорят о Воскресении Христовом, потому что примеры воскресения были уже и в прежние времена, хотя и не такие; а о рождении Его от Девы говорят редко. Даже Сама Матерь Его не смела объявлять о том. Посмотри, что говорит Дева Самому Христу: *се Аз и отец Твой искахом Тебе* (см.: Лк. 2, 48)! Почитая Его рожденным от Девы, не стали бы уже признавать сыном Давидовым; а отсюда произошло бы много и других зол. Потому и Ангелы возвестили об этом одной только Марии и Иосифу; когда же благовествовали о рождении пастырям, не присовокупили уже об этом. Но для чего евангелист, упомянув о Аврааме и сказав, что он родил Исаака, а Исаак Иакова, не упоминает о брате последнего, между тем как после Иакова упоминает и о Иуде, и о братьях его?

2. Причиною этого некоторые поставляют злонравие Исава, то же говоря и о других некоторых предках. Но я этого не скажу: если бы это было так, то почему же немного после евангелист упоминает о порочных женах? Очевидно, здесь слава Иисуса Христа обнаруживается чрез противоположность, не чрез величие, а чрез ничтожество и низость Его предков. Для высокого в том-то и слава великая, если он может уничтожить себя до крайней степени. Итак, почему же евангелист не упомянул об Исаве и других? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и все, которые произошли от тех предков, не имели ничего общего с народом израильским. Потому и умолчал он о них, а обращается прямо к предкам Иисуса и народа иудейского, говоря: *Иаков же роди Иуду и братию его*. Здесь уже означает род Иудейский. *Иуда же роди Фареса и Зару от Фамары*.

Что делаешь ты, богодухновенный муж, напоминая нам историю беззаконного кровосмешения? Что же в том? – отвечает он. Если бы мы стали перечислять род какого-либо обыкновенного человека, то прилично бы было умолчать о таком деле. Но в родословии воплотившего Бога не только не должно умолчать, но еще велегласно надлежит возвестить об этом, для того чтобы показать Его промышление и могущество. Он и пришел не для того, чтобы избежать позора нашего, но чтобы уничтожить его. Как особенно удивляемся не тому, что Христос умер, но тому, что и распят (хотя это и поносно, – но чем поноснее, тем большее показывает в Нем человеколюбие), так можно сказать и о рождении: Христу должно удивляться не только потому, что воспринял на Себя плоть и соделался человеком, но и потому еще, что порочных людей удостоил быть Своими сродниками, не стыдясь нимало наших пороков. Так, с самого начала рождения Он показал, что не гнушается ничем нашим, научая тем и нас не стыдиться злонравия предков, но искать только одного – добродетели. Человек добродетельный, хотя бы происходил от иноплеменника, хотя бы родился от блудницы или другой какой грешницы, не может получить от этого никакого вреда. Если и самого блудника, если он переменится, прежняя жизнь нисколько не позорит, то тем более человека добродетельного, если он произошел от блудницы или прелюбодейцы, нимало не может позорить порочность его родителей. Впрочем, Христос поступал так не только для нашего научения, но и для укрощения гордости иудеев. Так как они, нерадя о душевной добродетели, при всяком случае превозносились только Авраамом, и думали оправдаться добродетелью предков, то Господь с самого начала и показывает, что надлежит хвалиться не родом, но собственными своими заслугами. Притом Он хочет еще показать и то, что все, и самые праотцы, виновны во грехах. Так патриарх, от которого и самое имя получил народ иудейский, оказывается немалым грешником: Фамарь обличает его в блудодеевании. И Давид от жены прелюбодейной родил Соломона. Если же такие великие мужи не исполнили закона, то тем более те, которые ниже их. А если не исполнили, то все согрешили, и пришествие Христа было необходимо. Для того евангелист упомянул и о двенадцати патриархах, чтобы унизить тем иудеев, превозносившихся знаменитыми предками. Ведь многие из патриархов рождены были от рабынь, и, однако ж, различие родивших не произвело различия между рожденными. Все они равно были и патриархами и родоначальниками колен. В этом-то и состоит преимущество Церкви; в этом отличие нашего благородства, про-образованное

еще в Ветхом Завете. Хотя бы ты был раб, хотя бы свободный, тебе нет от этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно – воля и душевное расположение.

3. Кроме сказанных, есть еще причина, по которой евангелист упомянул об истории кровосмешения Иудина. Не без цели к Фаресу присоединен Зара. По-видимому, напрасно и излишне было бы после Фареса, от которого надлежало вести родословие Христа, упоминать еще о Заре. Для чего же упомянутое? Когда Фамари пришло время родить их и начались болезни, Зара первый показал руку. Повивальная бабка, увидев это, чтобы заметить первенца, перевязала ему руку красною нитью. Когда же рука была перевязана, младенец сокрыл ее, и тогда родился Фарес, а потом Зара. Видя это, повивальная бабка сказала: *что пресечется тебе ради преграждение?* (Быт. 38, 29). Примечаешь ли таинственное прообразование? Не без причины об этом для нас написано, – так как не стоило бы повествовать о том, что сказала когда-то повивальная бабка и рассказывать, что родившийся вторым первый выставил руку. Итак, что значит это прообразование? Во-первых, разрешает этот вопрос имя младенца: Фарес означает разделение и рассечение. Во-вторых, самое событие: не по естественному порядку произошло то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тут не было ни разумного движения, ни естественного порядка. Родиться другому тогда, когда один показал руку, может быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому, – это уже несогласно с законом рождаемых. Нет, здесь присутствовала благодать Божия, устроившая рождение младенцев и предначертывавшая чрез них для нас некоторый образ будущих событий. Что же именно? Те, кто тщательно вникал в это происшествие, говорят, что эти младенцы прообразовали два народа. Потом, чтобы ты знал, что бытие второго народа предвеляет происхождение первого, младенец не показывается весь, а только протягивает руку, но и ее опять скрывает, и уже после того, как брат его весь вышел на свет, и он весь является. Так и случилось с тем и другим народом. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затем, когда она сокрылась, произошел иудейский народ с жизнью подзаконною, а после того явился уже целый новый народ с своими законами. Потому-то повивальная бабка и говорит: *что пресечется тебе ради преграждение?* Прившедший закон пресек свободу жизни. И Писание обыкновенно называет закон преграждением. Так пророк Давид говорит: *низложил еси оплот (преграждение) его и объимают и вси мимоходящи путем* (Пс. 79, 13). И Исаия: *ограждением оградих его* (Ис. 5, 2). И Павел: *и средостение ограды разоривый* (Еф. 2, 14).

4. Другие утверждают, что слова: *что пресечется тебе ради преграждение?* сказаны о новом народе, поскольку он своим появлением упразднил закон. Видишь ли, что не по немногим и маловажным причинам евангелист упомянул о всей истории Иуды? Для того же упоминается о Руфи и Раави, из которых одна была иноплеменница, а другая блудница, то есть, чтобы научить тебя, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как врач, а не как судия. Подобно тому как те взяли в замужество блудниц, так и Бог сочетал с Собою прелюбодейную природу. Пророки древле применяли это и к синагоге; но она оказалась неблагодарною к своему Супругу. Напротив, Церковь, единожды освобожденная от отеческих пороков, осталась в объятиях Жениха. Посмотри и на то, что в приключениях Руфи сходно с нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бедности – и, однако, увидевший ее Вооз не презрел ее бедности и не погнушался низким ее происхождением. Точно так же и Христос, восприявший Церковь иноплеменную и весьма обнищавшую, сделал ее участницею великих благ. И как та никогда не вступила бы в такое супружество, если бы не оставила наперед отца и не презрела дома, рода, отечества и сродников, так и Церковь, когда оставила отеческие нравы, тогда соделалась любезною Жениху. Об этом и пророк, обращаясь к Церкви, говорит: *за-буди люди твоя, и дом отца твоего, и возжелает Царь доброты твоя* (см.: Пс. 44, 11, 12). Так поступила и Руфь, и чрез то соделалась матерью царей, равно как и Церковь, потому что от нее произошел Давид. Итак, евангелист составил родословие и поместил в нем этих жен для

того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Руфь была родоначальницей великого царя, и Давид не стыдится этого.

Невозможно, совершенно невозможно чрез добродетели или пороки предков быть честным или бесчестным, знаменитым или неизвестным. Напротив, я должен сказать, – хотя бы мои слова показались и странными, – что тот-то более и знаменит, кто, будучи рожден не от добрых родителей, сделался добрым. Итак, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителях Господа, пусть отложит всякое тщеславие, и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. От самохвальства фарисей стал хуже мытаря. Если хочешь показать великую добродетель, не высокоумствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершив что-нибудь, ты уже и все сделал. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грешниками, считаем себя тем, что мы в самом деле, как случилось с мытарем, то сколько более тогда, когда, будучи праведными, считаем себя грешниками? Если смиренномудрие из грешников делает праведными, хотя бы то и не было смиренномудрие, но искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то – смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи трудов своих, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежавши тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, – Он и этого не презрит. Если подашь один овол, если только вздохнешь, – Он все примет с великою благоклонностью, и вспомнит, и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели, и постоянно выставляешь их нам напоказ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя пред всеми. Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Он все делает и устроит, чтобы и за малое увенчать тебя, и ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

5. Вот почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. «Хотя не за что спасти тебя, – скажет Он, – Я это делаю для Себя, чтобы не осквернялось имя Мое» (ср.: Иез. 36, 22, 32). Если только вздохнешь, только прослезись, Он Сам тотчас воспользуется всем этим, как случаем к твоему спасению. Итак, не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии, и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие, и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их, кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их диавол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям и не осуждай ближнего, потому что это уже не есть

дело благодарности. Хочешь знать, как нужно выражать благодарность? Послушай, что говорят три отрока: *согрешихом и беззаконновахом* (Дан. 3, 29); *праведен еси Господи о всех, яже сотворил еси нам* (Дан. 3, 27), *яко истинным судом вся навел еси* (Дан. 3, 31). Исповедовать свои согрешения и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах, и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога. Итак, будем остерегаться – хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими. Потому, чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога и у людей; вернее же сказать – у Бога не только славу, но и награду и великое воздаяние. Итак, не требуй награды, чтобы получить награду; исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и Сам признал Себя твоим должником не только за твои добрые дела, но и за твою благопризнательность. Когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела; а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела, – так что такое наше расположение равняется самым добродетелям, а без него и самые дела не важны. Так и мы оказываем благоволение нашим слугам особенно тогда, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще не сделали для нас ничего важного.

Итак, если и ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они будут велики. Так и сотник говорил: *несъм достоин, да под кров мой внидеши* (Мф. 8, 8), и чрез это сделался достойным, и заслужил удивление более всех иудеев. Так и Павел говорил: *несъм достоин нарецися апостол* (1 Кор. 15, 9), и чрез это сделался первым из всех. Так и Иоанн говорил: *несъм достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. 3, 16), и за то был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойною прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Так и Петр говорил: *изыди от мене, яко муж грешен есмь* (Лк. 5, 8), и за это стал основанием Церкви. Подлинно, ничто так не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякого любомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему – словом, не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак не можем поднять вверх; если подобным образом сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей, надмеая, воздымали ее, она нисколько не поднимется. Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни, то гораздо более оплакивающий свои грехи делается любомудрым. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души. Когда он, совершив уже множество подвигов, подвергся опасности лишиться отечества, дома и самой жизни и в самую минуту несчастья увидел, что один низкий и презренный воин ругается над его бедствием и поносит его, то не только сам он не отвечал ругательствами, но запретил и военачальнику, который хотел его убить, говоря: *оставите его*, потому что Господь повелел ему (2 Цар. 16, 11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? «Пусть стоит во храме, и если освободит меня Бог от настоящих бед, увижу лепоту его. Если же скажет: не благоволю к тебе: се аз, да сотворит мне угодное пред Ним» (см.: 2 Цар. 15, 25). А то, что он делал в отношении к Саулу, не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости? Такое поведение было выше ветхого закона, и приближалось к заповедям апостольским. Потому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее себе Царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только тем не соблазнился, но говорил: если угодно так Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью, и еще благодарю за бесчисленные бедствия. Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не

совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят кого-нибудь в благополучном состоянии, а себя хотя в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Потому и Бог сказал: *обретох Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу Моему* (Пс. 88, 21). Постараемся и мы иметь такую душу, и, что бы с нами ни случилось, будем переносить с кротостью, и здесь, до получения Царства, соберем плоды смиренномудрия. *Научитесь от Мене, говорит Господь, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, то есть смиренномудрие. С помощью этой добродетели мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой пристани, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Всех же родов от Авраама до Давида, родове четырнадцать; и от Давида до преселения Вавилонского, родове четырнадцать; и от преселения Вавилонского до Христа, родове четырнадцать (Мф. 1, 17–21)

Изъяснение 1, 17–21. Почему родословие разделено на три части. – Почему родословие опускается у Марка, но есть у Луки. – Для чего Матфей исчисляет количество родов до Христа? – Почему зачатие совершилось не прежде обручения. – Непостижимость рождения. – Христос действительно родился от Девы и имеет плоть, одинаковую с нами. – Добродетель и мудрость Иосифа. – Почему Ангел возвещает ему о зачатии не с самого начала, как Деве. – Каким образом Ангел уверяет его в истине зачатия от Духа Святого. – Величие дара отпущения грехов, принесенного Христом, побуждает верующих жить достойно этого дара. – Верующий должен отличаться от неверующего своею доброю жизнью, равно и всем своим внешним поведением. – Безобразие души можно видеть как в зеркале, изучая жизнь святых мужей. – Человек, дающий волю своим страстям, хуже зверя. – Кто ищет внешней славы, тот бесчестит себя. – Истинную славу дает благочестие. – Пример трех отроков научает предпочитать нищету прелестям богатства. – Увещание творить милостыню.

1. Евангелист разделил все родословие на три части, желая тем показать, что иудеи с переменою правления не делались лучшими; но и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели. Но для чего же евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились; о втором же скажем. Мне кажется, что он причисляет к родам время пленения и Самого Иисуса Христа, всюду совокупляя Его с нами. И кстати, упоминает о пленении, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так что из всего была видна необходимость Пришествия Христова. Но скажут: почему Марк не делает того же и не излагает родословия Иисусова, а говорит обо всем кратко? Думаю, что Матфей прежде других писал Евангелие, – почему и излагает с точностью родословие, и останавливается на важнейших обстоятельствах, а Марк писал после него, – почему наблюдал краткость, как повествующий о том, что было уже пересказано и сделалось известным. А почему Лука излагает также родословие, и притом еще полнее? Потому, что он, имея в виду Евангелие Матфея, хочет доставить нам больше сведений, чем Матфей. Притом каждый из них подражал учителю: один – Павлу, который разливается как река, а другой – Петру, который любит краткость. А почему Матфей в начале Евангелия не сказал по примеру пророков: *видение, которое я видел*, или: *слово, бывшее мне*? Потому, что писал к людям благомыслящим и таким, которые были к нему весьма внимательны. И бывшие чудеса подтверждали им писанное, и читатели исполнены были веры. Во времена же пророков не было столько чудес, которые бы подтвер-

ждали их проповедь, напротив, являлось множество лжепророков, которым охотнее внимал иудейский народ, – почему им и нужно было таким образом начинать свои пророчества. А если когда и бывали чудеса, то бывали для язычников, чтобы они в большем числе обращались к иудейству, и для явления силы Божией, когда враги, покорявшие себе иудеев, думали, что они победили их силою своих богов. Так случилось в Египте, откуда вышло за иудеями множество народа; таковы же после были в Вавилоне – чудо в печи и сновидения. Впрочем, были чудеса и в пустыне, когда находились там иудеи одни, как было и у нас; и у нас явлено множество чудес, когда мы выходили из заблуждения. Но после, когда благочестие всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у иудеев и после, то не в большом числе и изредка, как-то: когда остановилось солнце, и в другой раз, когда отступило назад. Опять и у нас можно видеть тоже: и в наше время с Иулианом, превзошедшим всех в нечестии, много совершилось чудесного. Когда иудеи предприняли восстановление Иерусалимского храма, огонь вышел из-под основания и помешал работам; и когда Иулиан безумно посягнул поругаться над священными сосудами, хранитель сокровищ и дядя Иулианов, соименный ему, первый умер – изъеденный червями, а другой расселся пополам. И то было весьма важное чудо, что во время принесения там жертв иссякли источники и что в царствование Иулианово города были постигнуты голодом.

2. Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда показывает собственное Свое владычество. Так поступил Он с иудеями в Персии. Итак, из сказанного видно, что евангелист не без причины и не случайно разделил предков Христовых на три части. Заметь же, кем начинает и кем оканчивает. Начав с Авраама, ведет родословие до Давида; потом с Давида – до переселения Вавилонского, а с последнего – до Самого Христа. Как в начале всего родословия обоих – Давида и Авраама – поставил рядом, так точно упомянул об обоих и в конце родословия, потому что, как я прежде сказал, им даны были обетования. Почему же, упомянув о переселении в Вавилон, не упомянул о переселении в Египет? Потому, что египтян иудеи уже не боялись, а вавилонян еще трепетали, и потому, что первое случилось давно, а последнее недавно; притом в Египет отведены были не за грехи, а в Вавилон – за беззакония. Если же кто пожелает вникнуть в значение самых имен, то и здесь найдет много предметов для созерцания, много такого, что послужит к объяснению Нового Завета; таковы имена Авраама, Иакова, Соломона и Зоровавеля, так как имена эти даны им не без намерения. Но чтобы не наскучить вам продолжительностью, умолчим об этом и займемся необходимым. Итак, когда евангелист перечислил всех предков и окончил Иосифом, он не остановился на этом, но присовокупил: *Иосифа, мужа Мариина*, показывая, что для Марии упоминал в родословии об Иосифе. Потом, чтобы ты, услышав о муже Марии, не подумал, что Иисус родился по общему закону природы, смотри, как он устраняет эту мысль дальнейшими словами. Ты слышал, говорит он, о муже, слышал о Матери, слышал об имени, данном Младенцу; теперь выслушай и то, как Он родился. *Иисус-Христово рождество сице бе*. Скажи мне, о каком рождении говоришь ты? Ты уже сказал мне о предках. Хочу, говорит евангелист, сказать и об образе рождения. Видишь ли, как он возбудил внимание слушателя? Как бы намереваясь сказать нечто новое, обещает изъяснить образ рождения. И заметь, какой превосходный порядок в рассказе. Не вдруг стал говорить о рождении, но прежде напоминает нам, которым был Христос (в порядке родов) от Авраама, которым от Давида и от переселения в Вавилон; а этим побуждает слушателя тщательно исследовать время, желая показать, что Он есть Тот Самый Христос, Который предвозвещен пророками. В самом деле, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Иисус есть точно Христос, тогда без затруднения поверишь и чуду, совершившемуся в рождении. Поелику же евангелисту нужно было говорить о великом деле, каково рождение от Девы, то сперва, не приступая к исчислению времени, он с намерением затемняет речь, упоминая о муже Марии, и даже прерывает повествование о рождении,

а потом исчисляет уже лета, напоминая слушателю, что рожденный есть Тот Самый, о Котором говорил патриарх Иаков, что Он явится при оскудении князей от Иуды, и о Котором пророк Даниил предвозвестил, что Он придет по истечении многих седмиц. И если кому угодно те годы, которые Ангел определил Даниилу числом седмиц, от построения города вычислить до рождения Иисусова, тот увидит, что время рождения Его согласно с предсказанием. Итак, скажи, как Иисус родился? *Обрученной бывши Матери Его Марии*. Не сказал – Деве, но просто: Матери, чтобы речь была понятнее. Но, приведя сперва слушателя в ожидание услышать нечто обыкновенное и удержав его в этом ожидании, вдруг изумляет присовокуплением необыкновенного, говоря: *прежде даже не снитися има, обретеса имуци во чреве от Духа Свята*. Не сказал: прежде, нежели приведена была в дом к жениху, Она жила уже у него в доме, так как у древних было обыкновение держать обрученных по большей части в своем доме, чему и ныне еще можно видеть примеры. И зятья Лотовы жили в доме у Лота. Итак, и Мария жила в одном доме с Иосифом.

3. Но почему не прежде обручения Она зачала во чреве? Чтобы, как я сказал еще в начале, зачатие до некоторого времени оставалось тайною и Дева избегла всякого худого подозрения. Тот, которому надлежало ревновать более всякого другого, не только не отсылает Ее от себя и не бесчестит, но принимает, и оказывает Ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостоверен в зачатии по действию Святого Духа, не стал бы держать Ее у себя и во всем Ей услуживать. Притом весьма выразительно сказал евангелист: *обретеса имуци во чреве*, – как обыкновенно говорится о происшествиях особенных, случающихся сверх всякого чаяния и неожиданных. Итак, не простирайся далее, не требуй ничего больше сказанного и не спрашивай: каким образом Дух образовал Младенца в Деве? Если при естественном действии невозможно объяснить способа зачатия, то как можно объяснить его, когда чудодействовал Дух? Чтобы ты не беспокоил евангелиста и не утруждал его частыми об этом вопросами, он освободил себя от всего, наименовав Совершившего чудо. Ничего больше не знаю, говорит он, а знаю только, что событие совершилось силою Духа Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков предвозвещено, которое было видимо и осязуемо, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследуют и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что Родившееся есть от Духа; но как и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узнал, когда слышишь, что Христос родился от Духа. Узнав и об этом, мы еще многого не знаем, например: как Невместимый вмещается в утробе? Как Всесодержавший носится во чреве Жены? Как Дева рождает, и остается Девой? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? Каким образом не всю плоть принял от утробы, но только часть ее, которую потом возрастил и образовал? А что точно произошел из плоти Девы, евангелист ясно показал это словами: *рождашебося в ней*; и Павел словами: *рождаемаго от жены* (Гал. 4, 4). «От жены», – говорит он, заграждая уста тем, которые утверждают, что Христос прошел чрез Марию, как бы сквозь некоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и девическая утроба? Если это справедливо, то Христос не имеет с нами ничего общего; напротив, плоть Его различна с нашею, не одинакового с нею состава. И как же назвать Его тогда происшедшим от корене Иессеева? Жезлом? Сыном Человеческим? Как и Марию назвать Материю? Как сказать, что Христос произошел от семени Давидова? Воспринял зрак раба? Что *Слово плоть бысть*? Почему же Павел сказал римлянам: *от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог* (Рим. 9, 5). Из этих слов и из многих других мест Писания видно, что Христос произошел от нас, из нашего состава, из девической утробы; а каким образом, того не видно. Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано. *Иосиф же муж Ея, праведен сый*, говорит евангелист, *не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити ю* (Мф. 1, 19).

Сказавши, что (Родившееся от Девы) есть от Духа Святого и без плотского совокупления, он приводит на это еще новое доказательство. Иной мог бы спросить: откуда это известно? Кто видел, кто слышал, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозревал ученика, что он по любви к Учителю выдумал это, евангелист вводит Иосифа, который тем самым, что в нем происходило, утверждает в тебе веру в сказанное. Евангелист как бы так говорит здесь: ежели ты не веришь мне и заподозреваешь мое свидетельство, то поверь мужу. *Иосиф*, говорит, *муж Ея, праведен сый*. Здесь он называет праведным того, кто имеет все добродетели. Хотя быть праведным значит не присваивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей. В этом-то особенно смысле Писание и употребляет слово: праведность, когда, например, говорит: *человек праведен, истинен* (см.: Иов. 1, 1), и еще: *беста оба праведна* (см.: Лк. 1, 6).

4. Итак, Иосиф, будучи праведным, то есть добрым и кротким, *восхоте тай пустити ю*. Для того евангелист описывает случившееся еще во время незнания Иосифова, чтобы ты не сомневался в происшедшем по узнанию. Хотя подозреваемая не только заслуживала быть опозоренною, но закон повелевал даже наказать Ее, однако Иосиф избавил Ее не только от большего, но и от меньшего, то есть от стыда, – не только не хотел наказать, но и опозорить. Не признаешь ли в нем мужа мудрого и свободного от мучительнейшей страсти? Вы сами знаете, что такое ревность. Потому-то вполне знавший эту страсть сказал: *исполнена бо ревности ярость мужа; не пощадит в день суда* (Притч. 6, 34). *И жестока яко ад ревность* (Песн. 8, 6). И мы знаем многих, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрения и ревности. А здесь было уже не простое подозрение: Марию изобличили ясные признаки беременности; и, однако, Иосиф столько был чужд страсти, что не захотел причинить Деве даже и малейшего огорчения. Так как оставить Ее у себя казалось противным закону, а обнаружить дело и представить Ее в суд значило предать Ее на смерть, то он не делает ни того ни другого, но поступает уже выше закона. Подлинно, по пришествии благодати, надлежало явиться многим знамениям высокой мудрости. Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде нежели явился, просветил всю вселенную. Вот почему еще до рождения Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Иоанн, не выйдя еще из утробы, взыгрался во чреве. И Иосиф показал здесь великую мудрость, не обвинял и не порицал Девы, а только намеревался отпустить Ее. Когда он находился в таком затруднительном положении, является Ангел и разрешает все недоумения. Здесь достойно исследования то, почему Ангел не пришел прежде, пока муж не имел еще таких мыслей, но приходит тогда, когда он уже помыслил. *Сия ему помыслившу*, говорит евангелист, Ангел приходит; между тем Деве благовествует еще до зачатия, – что опять приводит к новому недоумению. Если Иосифу не сказал Ангел, то почему умолчала Дева, слышавшая от Ангела, и, видя жениха своего в смущении, не разрешила его недоумения? Итак, почему Ангел не сказал Иосифу прежде его смущения? Прежде надобно разрешить первый вопрос. Почему же не сказал? Чтобы Иосиф не обнаружил неверия и с ним не случилось того же, что с Захариею. Не трудно поверить делу, когда оно уже пред глазами; а когда нет и начала его, тогда слова не так легко могут быть приняты. Потому-то Ангел и не сказал сначала; по той же причине молчала и Дева. Она думала, что не уверит жениха, сообщив о необыкновенном деле, а, напротив, огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если Сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судит по-человечески и говорит: *како будет сие, идеже мужа не знаю* (Лк. 1, 34), то гораздо более усумнился бы Иосиф, особенно слыша это от подозреваемой жены.

5. Вот почему Дева вовсе не говорит Иосифу, а Ангел является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажут, не так же поступлено и с Девой, почему и Ей возведено не после зачатия? Чтобы предохранить Ее от смущения и большего смятения. Не зная дела ясно, Она, естественно, могла бы решиться сделать с собою худое и, не перенесши стыда, прибегнуть

к петле или к мечу. Поистине Дева была во всем достойна удивления; и евангелист Лука, изображая Ее добродетель, говорит, что, когда услышала приветствие, не вдруг предалась радости и поверила сказанному, но смутилась и размышляла: *каково будет целование сие* (Лк. 1, 29). Будучи таких строгих правил, Дева могла бы от печали лишиться ума, представив стыд и не видя надежды, чтобы кто-нибудь поверил Ее словам, что Ее беременность не следствие прелюбодеяния. Итак, чтобы этого не случилось, Ангел пришел к ней до зачатия. Надобно было, чтобы не знала смущения та, в чью утробу вошел Творец всяческих; чтобы свободна была от всякого смятения душа, удостоившаяся быть служительницею таких таин. Вот почему Ангел возвещает Деве до зачатия, а Иосифу во время беременности Ее. Многие по простоте и по недоразумению находили разногласие в том, что евангелист Лука упоминает о благовествовании Марии, а святой Матфей – о благовествовании Иосифу, не зная, что было то и другое. То же самое необходимо наблюдать и во всем повествовании; таким образом мы решим многие кажущиеся разногласия. Итак, Ангел приходит к смущенному Иосифу. Доселе явления не было как по сказанной выше причине, так и для того, чтобы обнаружилось любомудрие Иосифа. А когда дело приблизилось к исполнению, Ангел, наконец, является. *Сия же ему помыслившу, Ангел во сне* является Иосифу. Примечаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказал, но и не сказал никому, даже самой подозреваемой, а размышлял только с собою, и от Самой Девы старался скрыть причину смущения. Не сказал евангелист, что Иосиф хотел Ее выгнать, но – отпустить: так он был кроток и скромн! *Сия же ему помыслившу, Ангел* является во сне. Почему же не наяву, как является пастырям, Захарии и Деве? Иосиф имел много веры; для него не нужно было такого явления. Для Девы нужно было необыкновенное явление прежде события, потому что благовестуемое было весьма важно, важнее, нежели благовестуемое Захарии; а для пастырей нужно было явление, потому что это были люди простые. Иосиф получает откровение по зачатию, когда душа его объята уже была худым подозрением и вместе готова перейти к благим надеждам, если бы только явился кто-нибудь и указал удобный к тому путь. Для того благовестуется после зародившегося подозрения, чтобы это самое послужило доказательством сказанного ему. О чем никому не говорил, но только помыслил в уме, о том услышать от Ангела служило несомненным признаком, что Ангел пришел и говорит от Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечные тайны. Видишь, сколько достигается целей! Обнаруживается любомудрие Иосифа; благовременность сказанного помогает ему в вере; самое повествование делается несомненным, так как показывает, что Иосиф был точно в таком положении, в каком следовало быть.

б. Каким же образом Ангел уверяет его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, Ангел говорит ему: *Иосифе, сыне Давидов, не убойся прияти Мариам жены твоея*. Тотчас приводит ему на память Давида, от которого должен был произойти Христос, и не дает оставаться ему в смущении, наименованием предков напомнив об обетовании, данном всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыном Давидовым? *Не убойся*. В других случаях Бог поступает не так; и когда некто против супруги Авраамовой умышлял, чего не должно, Бог употребил сильнейшие выражения и угрозу, хотя и там причиною было неведение. Фараон взял к себе Сарру по незнанию, однако ж Бог привел его в страх. Но здесь Бог поступает снисходительнее потому, что совершалось дело весьма важное, и большая была разность между фараоном и Иосифом, почему и не нужно было угроз. Сказавши же: *не убойся*, показывает, что Иосиф боялся оскорбить Бога, держа в доме подозреваемую в прелюбодействе, потому что, если бы этого не было, он и не подумал бы Ее отпускать. Итак, из всего открывается, что Ангел пришел от Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чем Иосиф размышлял и чем был встревожен ум его. Изрекши же имя Девы, Ангел не остановился на этом, но присовокупил: *жены твоея*, каким именем не назвал бы, если бы Ее девство было растлено. Женою же называет здесь обрученную: так обыкновенно Писание обрученных еще до брака называет зятями. Что же значит: *прияти*? Удержать у себя в доме, потому что Иосиф мысленно уже отпустил

Деву. Эту-то отпущенную, говорит Ангел, удержи у себя; Ее поручает тебе Бог, а не родители. Поручает же ее не для брака, но чтобы жить вместе; вручает, объявляя о том чрез меня. Как Христос после поручил Ее ученику, так ныне поручается Она Иосифу. Потом Ангел, намекнув о причине своего явления, умолчал о худом Иосифовом подозрении; а между тем уничтожил его скромнее и благопристойнее, изъяснив причину зачатия и показав, что по тому самому, почему Иосиф опасался и хотел Ее отпустить, он должен принять и удержать Ее у себя, и, таким образом, совершенно освободил его от беспокойства. Она не только чиста от беззаконного смешения, говорит Ангел, но и зачала во чреве сверхъестественным образом. Потому не только отложи страх, но еще возрадуйся: *рождаебоя в Ней от Духа есть Свята*. Странное дело, превосходящее человеческое разумение и превышающее законы природы! Чем уверится в сем Иосиф, не слыхавший о таковых событиях? Открытием прошедшего, говорит Ангел. Для того он и обнаружил все, что происходило в уме Иосифовом, чем был он возмущен, чего боялся и на что решался, чтобы чрез это уверить и в том. Справедливее же сказать, Ангел уверяет Иосифа не только прошедшим, но и будущим. *Родит же*, говорит он, *Сына, и наречеши имя Ему Иисус* (ст. 21). Хотя Родившееся есть от Духа Святого, но не думай о себе, что ты устранен от служения при воплощении. Хотя ты не содействуешь к рождению, и Дева была неприкосновенною, однако ж, что принадлежит отцу, то, не вредя достоинству девства, предоставляю тебе, то есть ты дашь имя Рождаемому, – ты *наречеши имя Ему*. Хотя Он не твой сын, но ты будь Ему вместо отца. Итак, начиная с наречения имени, усвояю тебя Рождаемому. Потом, чтобы кто-либо отсюда не заключил, что Иосиф есть отец, послушай, с какою осторожностью говорит Ангел далее. *Родит бо*, говорит он, *сына*. Не сказал: родит тебе, но выразился неопределенно: родит, так как Мария родила не ему, но целой вселенной.

7. Для того и имя принесено Ангелом с Небес, чтобы показать, что чудно Рождаемое, потому что Сам Бог свыше посылает имя чрез Ангела Иосифу. Поистине, это не просто было имя, но сокровище бесчисленных благ. Потому Ангел и объясняет его, внушает благие надежды, и тем приводит Иосифа к вере. Мы обыкновенно склоннее к благим надеждам, а потому и охотнее им верим. Итак, всем утвердив Иосифа в вере, – и прошедшим, и будущим, и настоящим, и честью, ему оказанною, – Ангел, кстати, приводит слова пророка, который все то подтверждает. Но, не приведя еще слов его, возвещает о благах, какие чрез Рожденного дарованы будут миру. Какие же это блага? Освобождение от грехов, и уничтожение их. *Той бо*, говорит Ангел, *спасет люди Своя от грех их*. И здесь возвещается нечто чудное; благовествуется освобождение не от чувственных браней, не от варваров, но – что гораздо важнее – освобождение от грехов, от которых прежде никто не мог освобождать. Для чего же, спросят, сказал: *люди Своя*, а не присовокупил – и язычников? Чтобы не изумить вдруг слушателя. Разумному слушателю он дал разуметь и о язычниках, потому что люди Его суть не одни иудеи, но и все приходящие и приемлющие от Него познание. Смотри же, как открыл нам и достоинство Его назвавши иудейский народ людьми Его. Этим Ангел показывает то именно, что Рождающийся есть Сын Божий и что он говорит о Горнем Царе, так как, кроме этого Единого Существа, никакая другая сила не может отпускать грехи. Итак, получив таковой дар, примем все меры, чтобы не поругать столь великого благодеяния. Если наши грехи достойны были наказания и прежде такой чести, то тем более достойны после такого неизреченного благодеяния.

И это говорю теперь не без причины. Я вижу, что многие после крещения живут небрежнее некрестившихся и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в церкви не скоро различишь, кто верующий и кто неверующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь соб-

ственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден – и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, – вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица, – вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, – вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, – вижу, что ты водишь за собою тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, – слышу, что ты не произносишь ничего здорового, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, – здесь открывается еще более причин к осуждению.

8. Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю – верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осел; скачешь, как вол; ржешь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, – как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то как наменуем тебя верным? А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об ее гнусности. Когда ты сидишь у брадоброя и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу волос, спрашиваешь близ стоящих и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? Будучи стариком, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношеским мечтам. А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна, и стала сциллою или химерою, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя и здесь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, потому что не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Таким зеркалом служит память о добрых мужах и повествование о их блаженной жизни, чтение Писания, законы, от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца; а увидев, ни в чем другом не будешь иметь уже нужды, чтобы избавиться от своего безобразия. Вот для чего и полезно нам это зеркало; оно делает удобным превращение. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю – зверем? Такой человек хуже всякого зверя. Зверь, хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смиренным; а себя, по природе смиренного, против природы обращаешь в дикого? Льва укрощаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае

встречаются два затруднения: то, что зверь лишен разума, и то, что он всех сердитее; и, однако, ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях препобеждающий природу, в себе самом изменяешь и природе, и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счел бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли и что не все от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

9. Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природою? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаем свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою и необузданный ум свой содейлай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее и делая ее ни к чему не способною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия, – разумею гнев, – снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питье, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем, внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна и, каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их – зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к диаволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший для Него и геенну и Царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать Царство, только бы исполнить ему волю тех страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть ничтожнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, чрез это самое сделаешься даже бесчестнее. Когда те, которые тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобою за то самое, что ты желаешь от них славы, то твое усердие не произведет ли противного твоему желанию?

10. Эти люди поступают как обличители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и льстит ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Равным образом, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славобивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, которого следствия всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех. Для чего тебе подвергаться тому же, что случилось с Навуходоносором? Он поставил статую, думая получить еще большую славу от дерева и бесчувственного изображения, имеющий жизнь хотел

прославиться чрез то, что не имеет жизни. Видишь ли крайнее безумие? Думая почтить себя, он более обесчестил, показав, что более надеется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою, – почему и воздал такое предпочтение дереву. Не достоин ли он посмеяния за то, что ищет себе похвалы не в нравах, а в досках? Это все равно, как если бы кто вздумал больше хвалиться полом в доме или красивою лестницею, нежели тем, что он человек. Между тем и из нас многие подражают ныне Навуходоносору. Как он своим изображением, так из нас иные думают удивлять одеждami, другие домом, лошакami, колесницами, колоннами, находящимися в домах их. Погубивши в себе достоинство человека, они ходят и ищут себе совсем смешной славы в других предметах. Знаменитые и великие слуги Божии не этим просияли, но чем надлежало. Они были и пленники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имели у себя ничего собственного, но оказались гораздо почтеннее того, кто всем изобилует. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни бесчисленные войска, ни множество золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великим. А для слуг Божиих, лишенных всего, довольно было одноголюбодумия. Не имея у себя ничего, они оказались столько же блистательнее носящего диадему и порфиру и обладающего всем, сколько солнце блистательнее жемчужин. На позор целого мира приведены были юноши, пленные рабы, и едва появились, как глаза царицы засверкали огнем, окружили их вожди, правители, чиновники и все сонмище бесовское; отовсюду звук флейт, труб и всяких музыкальных орудий, несаясь до небес, огласил слух их. Пещь пылала до безмерной высоты, и пламя ее касалось самых облаков; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротив, посмеявшись, как над детскою игрою, они показали мужество и кротость, и громогласнее тех труб взывали: *ведомо да будет тебе, царю* (Дан. 3, 18)! Они и словом не хотели оскорбить мучителя, а желали только показать свое благочестие. Потому не стали распространяться и в словах, но все выразили кратко: *есть*, говорят они, *Бог на Небеси, силен изъяти нас* (Дан. 3, 17). Для чего выставляешь перед нами множество народа? Что нам пещь? К чему острые мечи, страшные копьяносцы? Наш Владыка выше и сильнее всего этого. Потом, подумавши, что может быть Богу так угодно и Он попустил им быть сожженными, – чтобы и в таком случае не назвали их лжецами, они в заключение присовокупили: *аще ли ни, ведомо да будет тебе, яко богом твоим не служим*.

11. Если бы они, предположив, что Бог действительно их не избавит, сказали, что Он не избавляет за грехи, то им не поверили бы. Поэтому они пред царем о грехах умалчивают, а говорят о том в пещи; там вспоминают все грехи свои. Пред царем же ничего подобного не произносят, а только то, что они не изменят благочестию, хотя бы им надлежало сгореть. Не для наград и воздаяний, но из одной любви делали они все, что ни делали; несмотря на то, что были в плену и рабстве, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мне о почестях, какие даны им при царском дворе. Святые и праведные юноши в тысячу раз охотнее согласились бы собирать милостыню в своем отечестве и наслаждаться красотою храма, как говорит Давид: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих; и: лучше день един во дворех Твоих, паче тысячи* (Пс. 83, 11). В тысячу раз охотнее согласились бы они быть последними в своем отечестве, нежели Царствовать в Вавилоне. Это видно из того, что говорят они в пещи о тягостях пребывания в Вавилоне. Хотя сами они и пользовались великими почестями, но, видя бедствия других, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святых – ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасению ближних. Смотри, как они в пещи молились за весь народ. А мы и при покойной жизни не помним о братьях. Равным образом, когда они старались объяснить и сны, они имели в виду не свою пользу, но пользу многих. Что они презирали смерть, это они доказали впоследствии многими опытами. Они на все готовы, только бы умиловать Бога. Поелику же признают себя к тому неспособными, то прибегают к отцам, и говорят, что сами ничего не могут принести, кроме сокрушенного духа. Будем и мы подра-

жать им. Ведь и пред нами стоит золотой образ, мучительская власть мамоны. Но не будем внимать тимпанам, трубам, арфам и другим прелестям богатства; и хотя бы надлежало впасть в печь нищеты, предпочтем эту нищету, только бы не поклониться идолу, – и будет роса среди печи шумящая. Итак, не убоимся, слыша о печи нищеты. И тогда вверженные в печь стали блистательны, а поклонившиеся идолу убиты. Но тогда все произошло в одно время, а теперь одно исполняется здесь, а другое в будущей жизни, иное же и здесь, и там. Избравшие нищету, чтобы не кланяться мамоне, будут сиять и здесь, и там; а несправедливо обогащающиеся здесь понесут там жесточайшее наказание. Из этой печи вышел и Лазарь, блистая не менее трех отроков; а богач, принадлежа к числу поклонявшихся идолу, осужден на мучение в геенне. Одно служит образом другого. Как здесь вверженные в печь ничего не потерпели, а стоявшие вне мгновенно были сожжены, так будет и тогда. Святые, переходя огненную реку, не почувствуют ничего неприятного, но будут казаться радующимися; а поклонявшиеся идолу увидят, что огонь нападает на них свирепее всякого зверя и увлекает их в геенну. Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую печь, пусть чрез настоящее уверится в будущем, и убоится не печи нищеты, но печи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета – роса и прохлада. В греховой печи предстоит диавол, а в печи нищеты – Ангелы, отражающие пламень.

12. Пусть внимают этому богачи, возжигающие пламень нищеты! Бедным не сделают они никакого вреда, потому что на них сходит роса; а самих себя сделают жертвою пламени, который зажгли собственными руками. Тогда Ангел сошел к трем отрокам, а ныне мы сойдем к находящимся в печи нищеты, и милостынею произведем росу, отразим пламень, – чтобы и нам вместе с ними получить венцы, чтобы и для нас рассеялся пламень геенский от гласа Христа: вы видели Меня жаждущего, и напоили (см.: Мф. 25, 37). Этот глас будет тогда для нас росой, шумящею посреди пламени. Итак, сойдем с милостынею в печь бедности, посмотрим на любомудрых, ходящих в ней и попирающих угли; посмотрим на чудо новое и странное, на человека, в печи поющего, на человека, в огне благодарящего, связанного крайнею нищетою и воздающего великие хвалы Христу. Кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам, потому что бедность страшнее огня и обыкновенно сильнее опалает. Однако отроков не опалил пламень, и узы их разрешились мгновенно, лишь только они принесли благодарение Господу. Так и теперь: если ты, впад в бедность, будешь благодарить, то и узы разрешатся, и пламень угаснет. А если не угаснет, то совершится еще большее чудо – пламень делается источником, как случилось и тогда. Посреди печи они прохладжались чистою росой, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь вверженных туда. То же можно приметить и в любомудрых: и они в нищете более свободны от страха, нежели богатые. Итак, не будем стоять вне печи, то есть не имея милосердия к нищим, – чтобы не потерпеть нам того же, что случилось тогда с бывшими около печи. Если ты сойдешь к отрокам и станешь с ними, то огонь не причинит тебе никакого зла; а если станешь вверху и будешь смотреть на тех, которые находятся в огне нищеты, то пламень сожжет тебя. Итак, сойди в огонь, чтобы не сгореть от огня. Не стой вне огня, чтобы не увлек тебя пламень. Если огонь застигает тебя вместе с бедными, то устранился от тебя; а если увидит тебя чуждающимся их, в ту же минуту нападет на тебя и увлечет тебя. Итак, не отходи от тех, которые ввержены, и когда диавол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в печь нищеты, то будь в числе не ввергающих, а ввергаемых, чтобы быть тебе в числе спасаемых, а не сожигаемых. Не покоряться страсти сребролюбия и жить в сообществе с бедными – это самая обильная роса. Кто пограл страсть к богатству, тот всех богаче. Как отроки, презревшие тогда царя, сделались блистательнее царя, так и ты, если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира, подобно тем святым, *ихже не бе достоин мир*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.